

Intérieur.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ВЪ САДУ.

Старикъ.
Прохожій.
Марта }
Марія } внучки старика.
Крестьянинъ.
Толпа.

ВЪ ДОМѢ.

Отецъ.
Мать.
Двѣ дочери.
Ребенокъ. } лица безъ словъ.

Старый, заросшій ивами садъ. Въ глубинѣ домъ. Три окна нижняго этажа освѣщены. Довольно ясно видно семью, коротающую вечеръ при свѣтѣ лампы. Отецъ сидитъ у камина. Мать, облокотившись одной рукой на столъ, задумчиво глядитъ въ пространство. Двѣ молоденькія дочери въ бѣлыхъ платьяхъ, сидя за вышиваньемъ, мечтаютъ подъ вліяніемъ царящей въ комнатѣ тишины и по временамъ улыбаются. Ребенокъ спитъ, припавъ головой къ лѣвому плечу матери. Когда кто-нибудь изъ нихъ встаетъ, проходитъ или просто дѣлаетъ какой-нибудь жестъ, то всѣ движенія ихъ благодаря разстоянію, освѣщенію и тусклымъ окнамъ, кажутся важными, медленными, странными, нѣсколько призрачными. Въ садъ осторожно входятъ Старикъ и Прохожій.

Старикъ. Это задняя часть сада! Они сюда никогда не ходятъ! Двери съ другой стороны. Онѣ заперты, и ставни закрыты... А здѣсь ставней нѣтъ, свѣтъ видно... Да... Они еще сидятъ... Не тушили лампы... Они, слава Богу, не слышали... Что бы мы стали дѣлать, если бы вдругъ вышла мать или дочери?...

Прохожій. А теперь то что-жъ намъ дѣлать?

Старикъ. Дайте сначала разглядѣть, всѣ ли они въ комнатѣ... Отецъ сидитъ у камина... Руки сложилъ на колѣняхъ... Будто ждетъ чего-то... А мать сидитъ за столомъ... Облокотилась...

Прохожій. Она на насъ смотритъ!

Старикъ. Нѣтъ, глядитъ просто въ даль и ничего не видитъ... И не моргаетъ даже! Да она и не можетъ насъ увидать... Мы въ тѣни отъ этихъ деревьевъ... Ближе не подходите! И обѣ сестры покойницы тоже въ комнатѣ... вышиваютъ потихоньку... а маленькій заснулъ. На ихъ часахъ... Въ углу... Ужъ девять! Они ничего не подозрѣваютъ и даже не разговариваютъ.

Прохожій. Если бы какъ-нибудь обратить вниманіе отца... Подать ему какой-нибудь знакъ! Онъ повернулъ голову въ нашу сторону. Развѣ въ окно постучать?.. Необходимо устроить такъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ узналъ раньше остальныхъ.

Старикъ. Только кого выбрать?.. Надо дѣйствовать осторожнѣе... Отецъ старъ, да и больной онъ... Мать тоже, а сестры еще слишкомъ молоды... И любили ее всѣ безъ памяти... Я такой счастливой семьи и не знаю... Нѣтъ, нѣтъ, не подходите къ окну... Это было бы самое ужасное!.. Лучше сказать какъ можно проще, какъ будто это самый обыкновенный случай... И слишкомъ печальными не надо быть, а то они невольно захотятъ, чтобы у нихъ горе выразилось сильнѣй, чѣмъ у насъ, и выйдетъ Богъ знаетъ что... Пойдемте съ другой стороны, постучимъ въ дверь и войдемъ, какъ будто ничего не случилось. Сначала я войду... Мнѣ они не удивятся... Я иногда захожу къ нимъ вечеромъ... То цвѣтовъ принесешь, то фруктовъ... Ну, и посидишь съ ними часокъ, другой...

Прохожій. Зачѣмъ же мнѣ съ вами идти? Идите одинъ, а я подожду, пока меня позовутъ... Они меня и

не видали никогда... Я случайно проходилъ мимо... Меня никто не знаетъ...

Старикъ. Въѣстъ-то лучше. Когда вѣсть о несчастьѣ приносятъ нѣсколько человѣкъ, несчастье какъ-то расплывается и становится менѣе тяжкимъ... Я думалъ объ этомъ по дорогѣ сюда... Если я войду одинъ, мнѣ съ первой же минуты придется вести разговоръ... Съ двухъ-трехъ словъ они все поймутъ, и мнѣ нечего будетъ говорить... А я и подумать боюсь о томъ ужасномъ молчаньѣ, которое наступаетъ послѣ вѣсти о несчастьѣ... Сердце разрывается на части... А если мы войдемъ вмѣстѣ, то мы еще долго будемъ разговаривать о разныхъ вещахъ, а потомъ я скажу: ее нашли тамъ-то... плыла по рѣкѣ со сложенными на груди руками...

Прохожій. Руки у нея не были сложены... Онѣ были вытянуты.

Старикъ. Вотъ видите, разговоръ и пойдетъ ужъ самъ собой... Самое горе затеряется въ подробностяхъ... А если я войду одинъ, при первыхъ же словахъ произойдетъ что-нибудь ужасное... Богъ знаетъ еще, что случится... А тутъ мы одинъ за другимъ будемъ говорить, они будутъ насъ слушать и на печальное извѣстіе обратятъ меньше вниманія. Не забывайте, что и мать тамъ будетъ, что ея жизнь и такъ на волоскѣ висить... Надо, чтобы первый ударъ разбился о какія-нибудь пустыя слова. Несчастнымъ бываетъ легче, когда вокругъ нихъ идетъ разговоръ, и они не одни. Совсѣмъ посторонніе и тѣ безсознательно воспринимаютъ частицу горя... И оно безъ шума, безъ всякихъ усилій, какъ воздухъ или свѣтъ, раздѣляется между всѣми...

Прохожій. Ваша одежда промокла насквозь, — съ васъ течеть...

Старикъ. Въ воду попали только полы пальто. А вамъ, кажется, холодно! И грудь у васъ въ грязи!.. А я въ темнотѣ и не замѣтилъ...

Прохожій. Я по поясъ былъ въ водѣ.

Старикъ. Вы нашли ее задолго до моего прихода?

Прохожій. Нѣтъ, всего за нѣсколько минутъ. Я шелъ по направленію къ деревнѣ... Было уже поздно... Обрывы береговъ терялись въ темнотѣ... Я шелъ и все глядѣлъ на рѣку, потому что ее было видно яснѣй, чѣмъ дорогу, и вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кустовъ вижу что-то странное... Подхожу, а это ея волосы собрались такимъ кругомъ надъ головой и вертятся отъ теченія...

Двѣ дочери въ комнатѣ повертываютъ головы къ окну.

Старикъ. Видѣли, какъ волосы у обѣихъ сестеръ дрогнули на плечахъ?

Прохожій. Онѣ повернули головы въ нашу сторону—просто повернулись. Должно быть, я слишкомъ громко говорилъ. Обѣ дочери принимаютъ прежнее положеніе. Ну, вотъ ужъ онѣ и не смотрятъ... Я вошелъ по поясъ въ воду, взялъ ее за руку и безъ всякихъ усилій вытащилъ на берегъ... Она была такая же красивая, какъ и ея сестры...

Старикъ. Пожалуй, даже красивѣе... Не понимаю, отчего я потерялъ голову...

Прохожій. Потеряли голову? Мы сдѣлали все, что только могъ сдѣлать человѣкъ... Она умерла по крайней мѣрѣ еще за часъ до того, какъ мы ее нашли.

Старикъ. Еще сегодня утромъ она была жива.. Я видѣлъ, какъ она выходила изъ церкви.. Она мнѣ сказала, что уѣзжаетъ... Собиралась къ бабушкѣ... Она живетъ за рѣкой, на которой вы ее нашли... Сказала, что неизвѣстно, когда я ее теперь увижу... Повидимому, она хотѣла что-то спросить у меня, а потомъ побоялась и какъ-то ужъ очень порывисто ушла... Теперь-то я все это припоминаю, а тогда я ничего не замѣтилъ... И улыбка у нея была особенная, какая бываетъ у тѣхъ, которые хотятъ сохранить что-нибудь въ тайнѣ или боятся, что ихъ не поймутъ... Она и тогда ужъ, должно быть, была близка къ отчаянію.. взгляды былъ какой-то тусклый... старалась не глядѣть въ глаза...

Прохожій. Крестьяне рассказывали, что она до самаго вечера все ходила по берегу... Они думали, что она собираетъ цвѣты.. Можетъ быть, она умерла..

Старикъ. Ничего не извѣстно... Развѣ кто-нибудь знаетъ?.. Можетъ быть, она была изъ числа тѣхъ, которые не любятъ говорить, а каждый изъ насъ таитъ въ себѣ много причинъ для того, чтобы хотѣть умереть... Въ чужой-то душѣ не такъ видно, какъ въ этой комнатѣ... Всѣ онѣ такъ... Говорятъ только самыя пустыя вещи, и никто ничего и не подозрѣваетъ... Живешь цѣлые мѣсяцы рядомъ съ человѣкомъ, который ужъ совсѣмъ чуждъ и этому міру и всѣмъ привязанностямъ, говоришь съ нимъ, не подозрѣвая даже этого, а смотришь,—и стряслось... На видъ мертвыя куклы, а въ душѣ у нихъ столько жизни... И она могла бы жить... Живутъ же другія! Говорила бы до самой смерти: „Здравствуйте! Прощайте! Кажется, дождь собирается!“ Или— „Пойдемте завтракать! Насъ за сто-

ломъ будетъ тринадцать!“ Или—„Фрукты еще сырые Съ!“ улыбкой говорятъ объ облетѣвшихъ цвѣтахъ и въ темныхъ уголкахъ плачутъ! Ангелъ и тотъ, можетъ, не видитъ всего, а человѣкъ понимаетъ только ужъ послѣ того, какъ случится несчастье... Еще вчера вечеромъ она сидѣла у лампы такъ же, какъ и ея сестры, и еслибъ не случилось этого несчастья, вы бы и въ нихъ ничего не замѣтили... Миѣ кажется, будто я вижу ихъ сейчасъ въ первый разъ... Чтобы понять самую обыкновенную жизнь, необходимо къ ней что-то прибавить... И рядомъ онѣ съ вами и глазъ-то вы, кажется, съ нихъ не сводите, а разглядите вы ихъ какъ слѣдуетъ только, когда онѣ ужъ уходятъ на всегда... Какая странная была у нея душа!.. Что это было за несчастное, наивное и вмѣстѣ съ тѣмъ неистощимое сердце, если она сказала и сдѣлала все, что ей было предназначено.

Прохожій. Онѣ молча улыбаются...

Старикъ. Онѣ покойны... Онѣ ее сегодня и не ждуть...

Прохожій. Улыбаются и даже не пошевеливаются... Нѣтъ, вонъ отецъ поднесъ палецъ къ губамъ...

Старикъ. Это онъ насчетъ ребенка, который уснулъ на груди у матери.

Прохожій. Она боится поднять глаза, чтобы не разбудить его...

Старикъ. И тѣ работать перестали... Должно быть, мертвая тишина.

Прохожій. Мотокъ бѣлаго шелка уронили...

Старикъ. Всѣ на ребенка смотрятъ...

Прохожій. И не подозреваютъ, что на нихъ чужіе глядятъ...

Старикъ. На насъ тоже смотреть...

Прохожій. Подняли глаза...

Старикъ. Все равно ничего не видятъ...

Прохожій. На видъ какъ будто счастливы, а кто знаетъ, что у нихъ на душѣ...

Старикъ. Думаютъ, что въ полной безопасности... Двери заперты... у оконъ желѣзные засовы... Стѣны стараго дома они поправили, у всѣхъ трехъ дубовыхъ дверей устроили затворы... Предусмотрѣли все, что только возможно...

Прохожій. Надо же наконецъ сказать-то... А то еще кто-нибудь придетъ да такъ прямо и скажетъ... На дугу, гдѣ покойница, была цѣлая толпа крестьянъ... Придетъ кто-нибудь изъ нихъ. постучится...

Старикъ. Съ покойницей остались и Марта и Марія... Крестьяне еще собирались дѣлать носилки, и я сказалъ старшей, чтобы она прибѣжала предупредить насъ, какъ только они двинутся. Подождемъ ее... Я вмѣстѣ съ ней и войду! А то, кажется, и въ глаза имъ взглянуть не рѣшишься... Я думалъ,—это такъ просто—постучать въ дверь, войти непринужденно, произнести нѣсколько фразъ... Но я слишкомъ долго видѣлъ, какъ они живутъ тутъ...

Входитъ Марія.

Марія. Идутъ, дѣдушка!

Старикъ. Ахъ, это ты?—Гдѣ они?

Марія. Они ужъ спускаются съ послѣднихъ холмовъ.

Старикъ. Они придутъ молча?

Марія. Я просила ихъ читать молитвы въ полголоса. Марта съ ними...

Старикъ. Ихъ много?

МАРІЯ. Вся деревня. Они пришли съ фонарями. Но я сказала, чтобы что они потушили...

СТАРИКЪ. Какой они дорогой идутъ?

МАРІЯ. По маленькимъ тропинкамъ. Идутъ очень тихо...

СТАРИКЪ. Пора...

МАРІЯ. Вы ужъ сказали, дѣдушка?

СТАРИКЪ. Развѣ ты сама не видишь, что еще ничего не говорили?.. Они все еще сидятъ... И лампа еще горитъ... Погляди, погляди, дитя мое,—это сама жизнь...

МАРІЯ. Какъ они всѣ спокойны! Можно подумать, что я вижу ихъ во снѣ...

ПРОХОЖІЙ. Тише... Обѣ сестры вздрогнули... Я видѣлъ.

СТАРИКЪ. Встаютъ...

ПРОХОЖІЙ. Кажется, идутъ къ окну...

Одна изъ сестеръ, о которыхъ они говорятъ, подходитъ къ первому окну, другая къ третьему, и обѣ, приложивъ руки къ стекламъ, долго смотрятъ въ темноту.

СТАРИКЪ. А къ среднему окну никто не подошелъ...

МАРІЯ. Онѣ смотрятъ... прислушиваются...

СТАРИКЪ. Старшая улыбается, потому что ничего не видитъ...

ПРОХОЖІЙ. У младшей взглядъ испуганный...

СТАРИКЪ. Тише... Можетъ быть, душа ея витаетъ здѣсь...

Длинная пауза. Марія бросается на грудь къ старику и обнимаетъ его.

МАРІЯ. Дѣдушка!..

СТАРИКЪ. Не плачь, дитя мое... Придетъ и наша очередь.

Пауза.

Прохожій. Какъ онѣ долго смотреть!..

Старикъ. Хоть сто тысячъ лѣтъ гляди, ничего нельзя увидеть... Несчастныя сестры!.. Ночь слишкомъ темна... Онѣ смотрять въ эту сторону, а несчастье идетъ съ той...

Прохожій. Еще слава Богу, что онѣ смотрять сюда... Что-то приближается... по лугу!

Марія. Должно быть, это они... Еще далеко.. Ихъ почти и не видно.

Прохожій. Дорога, по которой они идутъ, холмиста... Вонъ они показались... рядомъ съ откосомъ, освѣщеннымъ луной...

Марія. Какъ ихъ много!.. Пока я дошла сюда, сбѣжались и изъ городского предмѣстья... Какой крюкъ они дѣлаютъ!..

Старикъ. И все-таки они придутъ. Я тоже ужъ вижу ихъ... Они идутъ по лугу... Какими маленькими они кажутся... Трудно и разглядѣть ихъ въ травѣ... Подумаешь, дѣти играютъ при лунѣ... Еслибъ сестры и увидали ихъ, онѣ бы ничего не поняли... Онѣ могутъ и отвернуться,—а тѣ все равно приближаются съ каждымъ шагомъ, и несчастье растеть вотъ уже два часа. И тѣ, что несутъ его, не въ состоянїи его остановить... Оно—владыка и надъ ними, и они должны служить ему... У него свои цѣли и свой путь... Оно неутомимо, и у него только одна мысль... Они должны отдать ему свои силы... Они исполнены печали, но все-таки идутъ... Они исполнены жалости, но должны итти...

Марія. Старшая перестала улыбаться, дѣдушка!

Прохожій. Онѣ отходятъ отъ оконъ...

МАРІЯ. Цѣлуютъ мать...

ПРОХОЖІЙ. Старшая погладила локоны ребенка... Онъ все не просыпается...

МАРІЯ. Вонъ и отецъ хочеть, чтобы его тоже поцѣловали...

ПРОХОЖІЙ. Теперь опять все тихо!

МАРІЯ. Онъ опять идутъ къ матери!..

ПРОХОЖІЙ. А отецъ смотреть на большой маятникъ у часовъ...

МАРІЯ. Можно подумать, что онъ, сами не сознавая, молятся...

ПРОХОЖІЙ. Или слушаютъ голосъ своихъ душъ.

МАРІЯ. Дѣдушка, не говорите имъ сегодня...

Пауза.

ДѢДУШКА. Ну, вотъ видите, и вы падаете духомъ... Я зналъ,—не надо было глядѣть... Миѣ ужъ почти восемьдесятъ три года, но такъ сильно поражаетъ меня видъ жизни еще въ первый разъ. Не знаю, отчего это, но все, что они дѣлаютъ, производить на меня такое странное и тягостное впечатлѣніе... Сидятъ себѣ, кажется, просто ночью при лампѣ, какъ и мы бы сидѣли... А у меня такое чувство, будто я изъ другого міра гляжу на нихъ... только потому, что я знаю одну каплю правды, которой они еще не знаютъ... Такъ это, дѣти? Скажите, отчего вы такіе блѣдные? Можетъ быть, существуетъ еще что-нибудь, чего не скажешь словами и что заставляетъ насъ плакать? Я не подозрѣвалъ, что жизнь бываетъ такъ печальна и что она можетъ внушать такой страхъ тѣмъ, кто смотреть на нее... И чего, кажется, страшнаго въ томъ, что они такъ покойны?.. Слишкомъ много у нихъ довѣрія къ жизни... Отдѣляютъ ихъ отъ врага какія-то несчастныя окна... И

они думаютъ, что ничего не можетъ произойти, потому что они заперли двери, и не знаютъ, что душа живетъ особой жизнью и что міръ не кончается за дверями дома... Ихъ жизнь кажется имъ совершенно ясной... они и не подозреваютъ, что столько людей знаютъ ее лучше, чѣмъ они, что всего въ двухъ шагахъ отъ ихъ двери стоитъ несчастный старикъ и держитъ въ своихъ дряхлыхъ рукахъ все ихъ маленькое счастье..

МАРІА. Дѣдушка, пожалѣйте ихъ..

СТАРИКЪ. Ихъ мы жалѣемъ, дитя мое..Насъ не жалѣютъ..

МАРІА. Скажите имъ завтра, дѣдушка... Скажите, когда будетъ свѣтло... Они не такъ огорчатся...

СТАРИКЪ. Можетъ быть, вы и правы... Лучше бы оставить до утра... Свѣтъ смягчаетъ горе... А что бы они сказали намъ завтра? Горе ревниво, и гѣ, кому оно близко, всегда хотятъ узнать его раньше постороннихъ. Имъ неприятно оставлять его въ чужихъ рукахъ... Имъ бы казалось, что мы отняли у нихъ что-то...

ПРОХОЖІЙ. Да и ждать больше нельзя... Я ужь слышу шопотъ молитвъ...

МАРІА. Вонъ они... за заборомъ...

Входитъ Марта.

МАРТА. Въгъ и я... Я довела ихъ и сказала, чтобы они подождали на дорогѣ. Слышенъ крикъ дѣтей. А! Дѣти еще кричатъ!.. Говорила я, чтобъ они не ходили.. И имъ тоже хочется поглядѣть, а матери позволяютъ... Пойду, скажу имъ... Нѣтъ... Притихли...—Все готово?—Я захватила колечко, которое нашли на ней... И на носилки сама ее уложила... Совсѣмъ, будто спитъ... А какъ трудно было!.. Никакъ не могла съ волосами сладить... Попросила

нарвать маргаритокъ... Жаль, но другихъ цвѣтовъ не было... Что вы здѣсь дѣлаете? Отчего вы не съ ними?... Смотрить въ окна. Они и не плачутъ?... Они... Вы и не сказали имъ?

Старикъ. Марта, Марта, въ тебѣ слишкомъ много жизни!.. Ты не можешь понять...

Марта. Отчего я не могу понять?... Послѣ паузы тономъ сильнаго упрека. Вы и этого не могли сдѣлать, дѣдушка...

Старикъ. Ты не знаешь, Марта...

Марта. Тогда я скажу!

Старикъ. Погоди, дитя мое, и посмотри немного.

Марта. Какіе они несчастные!.. Нѣтъ, нельзя ихъ такъ оставлять!

Старикъ. Отчего?

Марта. Я сама не знаю... но это невозможно!..

Старикъ. Подойди сюда...

Марта. Какое терпѣнье!..

Старикъ. Подойди ко мнѣ...

Марта, оборачиваясь. Гдѣ вы, дѣдушка? Я не вижу васъ... Теперь и я не знаю, что дѣлать...

Старикъ. Не гляди больше на нихъ... До тѣхъ поръ, пока они не узнаютъ всего...

Марта. Позвольте мнѣ пойти съ вами...

Старикъ. Нѣтъ, Марта, останься здѣсь... Сядь рядомъ съ сестрой на эту каменную скамейку у стѣны и не смотри... Ты слишкомъ молода, ты не могла бы забыть этого... Ты предствити себѣ не можешь, какой видъ бываетъ у человѣческаго лица, когда передъ его глазами встаетъ смерть... Можетъ быть, ты услышишь крики... Не оборачивайся... А, можетъ быть, ничего не будетъ... Въ особенности не обо-

рачивайся, если ничего не услышишь... Нельзя предвидѣть, какъ выразится горе... Обыкновенно нѣсколько судорожныхъ рыданій изъ глубины—и все... Я самъ не знаю, что будетъ со мной, когда я услышу... Все это ужъ явленія другой жизни... Ну, поцѣлуй меня, дѣвочка, и я пойду...

Молитвенный шопотъ постепенно приближается. Часть толпы наполняетъ садъ. Слышны заглушенные шаги, бѣготня и говоръ вполголоса.

Прохожій толпѣ. Остановитесь здѣсь... Не подходите къ окнамъ... Гдѣ она?

Крестьянинъ. Кто?

Прохожій. Ну, тѣ... кто несть?

Крестьянинъ. Они идутъ по аллеѣ, которая выходитъ къ дверямъ.

Старикъ уходитъ. Марта и Марія сидятъ на скамѣ спиной къ окнамъ. Въ толпѣ легкой шумъ.

Прохожій. Тише... Не разговаривайте.

Старшая сестра встаетъ и запираетъ дверь на задвижку.

Марта. Она отпираетъ дверь?

Прохожій. Напротивъ, запираетъ.

Пауза.

Марта. Дѣдушка еще не вошелъ?

Прохожій. Нѣтъ... Съѣла рядомъ съ матерью... Остальныя сидятъ все такъ же, и ребенокъ все еще спитъ.

Пауза.

Марта. Сестра, дай мнѣ твои руки.

Марія. Марта!.. Онѣ крѣпко обнимаютъ и цѣлуютъ другъ друга.

Прохожій. Должно быть, онъ постучалъ... Они всѣ сразу подняли головы... смотрять другъ на друга...

Марта. Ой! Ой! сестра!.. я тоже закричу. Прижавъ къ плечу сестры, она старается заглушить рыданія.

Прохожій. Должно быть, онъ опять постучалъ... Отецъ посмотрѣлъ на часы... Всталъ.

Марта. Я тоже войду туда, сестра... Нельзя ихъ оставлять однихъ.

Марія. Марта! Марта!

Удерживаетъ ее.

Прохожій. Отецъ подошелъ къ двери... Держится за задвижку... Осторожно отпираетъ...

Марта. Ой! Вы не видите?..

Прохожій. Чего?

Марта. Ну, тѣхъ, что несутъ...

Прохожій. Онъ пріотворилъ дверь... Мнѣ видно только часть лужайки и фонтанъ... Онъ не отпускаетъ двери... Отступаетъ назадъ съ такимъ видомъ, будто говоритъ: „Ахъ, это вы!..“ Поднимаетъ руки... запираетъ дверь... Вашъ дѣдушка вошелъ въ комнату.

Толпа приблизилась къ окнамъ. Марта и Марія сначала приподнимаются, потомъ, крѣпко обнявшись, подходятъ къ остальнымъ. Видно, какъ старикъ идетъ по комнатѣ. Обѣ сестры покойной встаютъ. Мать тоже встаетъ и заботливо сажаетъ ребенка на кресло, на которомъ сидѣла сама. Изъ сада видно, какъ посреди комнаты спитъ ребенокъ, свѣсивъ немного голову. Мать идетъ навстрѣчу старику и протягиваетъ ему руку, но отдергиваетъ ее, прежде чѣмъ онъ успѣваетъ пожать. Одна изъ дѣ-

вупекъ хочетъ помочь ему снять пальто, другая пододвигаетъ кресло, но старикъ жестомъ отказывается. Отецъ удивленно улыбается. Старикъ смотритъ по направлению оконъ.

Прохожій. У него не хватаетъ смѣлости сказать...
Онъ поглядѣлъ въ нашу сторону... Въ толпѣ шумъ. Тише!..

Старикъ, увидавъ въ окнахъ лица, быстро отводитъ свой взглядъ. Одна изъ дѣвухекъ все время пододвигаетъ ему кресло, и онъ въ концѣ концовъ садится и нѣсколько разъ проводитъ рукой по лбу.

Онъ сѣлъ...

Всѣ находящіяся въ комнатѣ тоже садятся въ то время, какъ отецъ оживленно что-то говорить. Наконецъ старикъ открываетъ ротъ, и звукъ его голоса, повидимому, привлекаетъ вниманіе, но отецъ его перебиваетъ. Старикъ опять начинаетъ говорить, и всѣ понемногу перестаютъ двигаться. Вдругъ мать вздрагиваетъ и встаетъ.

Марта. О! Мать сейчасъ пойметъ!..

Она отвертывается и закрываетъ лицо руками. Въ толпѣ опять шумъ, начинается толкотня. Дѣти кричатъ и просятъ, чтобы ихъ подняли, чтобы и имъ было видно. Большая часть матерей исполняютъ ихъ просьбы.

Прохожій. Тише!.. Онъ еще не сказалъ...

Видно, какъ мать съ тоской спрашиваетъ о чемъ-то старика. Онъ произноситъ еще нѣсколько словъ. Вдругъ всѣ поднимаются и начинаютъ, повиди-

тому, тоже спрашивать. Тогда онъ медленно, какъ бы подтверждая, киваетъ головой.

Онъ сказалъ!.. Сказалъ сразу...

Голоса въ толпѣ. Сказалъ... Сказалъ...

Прохожій. Ничего не слышно...

Старикъ тоже поднимается и, не поворачиваясь, показываетъ пальцемъ на дверь, которая находится сзади него. Мать, отецъ и обѣ дѣвушки бросаются къ этой двери, которую отецъ не можетъ сразу отпереть. Старикъ хочетъ помѣшать матери выйти изъ комнаты.

Голоса въ толпѣ. Они выходятъ! Они идутъ!

Въ саду давка. Всѣ спѣшатъ на другую сторону дома и исчезаютъ, за исключеніемъ только прохожаго, который остается у окна. Дверь въ комнату наконецъ распахивается настежь, и всѣ сразу выходятъ. Видно небо, усыпанное звѣздами, залитую луннымъ свѣтомъ лужайку и фонтанъ. Посреди пустой комнаты въ креслѣ продолжаетъ мирно спать ребенокъ.—Пауза.

Прохожій. А ребенокъ и не проснулся!..

Тожe уходитъ.

Конецъ.